

На канале «Звезда» — художественный фильм «Кубанские казаки». Семьдесят лет живёт на экране фильм, и не стареет послевоенная мечта колхозных строителей социализма в СССР. Смотрю фильм и ловлю себя на мысли: смотрю-то — глазами родителей! И мама, и отец — ещё крестьянская молодёжь — смотрели этот фильм молодыми и неженатыми. Шли годы — смотрели уже в кинотеатрах Канска, будучи городскими жителями. Деды после боёв пришли израненные с Великой Отечественной войны, братья мамы и дядьки отца. Не гадаю, знаю своих любимых родителей — с каким чувством смотрели мои деревенские мама, рождённая в двадцать девятом, и отец, родившийся в марте двадцать седьмого...

В деревне Зимник и клуба-то доброго до начала шестидесятых годов не было, электричество в бирюсинскую тайгу только в шестьдесят первом провели. Каждое лето я приезжал к бабушке в деревню Егоровку, от которой в километре затажного волока видна была крайняя у тракта изба в Зимнике. Тракт гравийный стелился ровной просекой через дремучую тайгу на многие вёрсты до Пóчета на Бирюсе. Фильмы крутили в сумерках и до поздней ночи в избе барачного типа, народу из двух деревень набивалось так, что дети сидели в проходах на полу до самого белого экрана на стене в передней части избы. Мама родом из Хаёрино. Крепкая, зажиточная деревня в шестидесятых запомнилась мне, семилетнему. У деда Поляка изба на две половины — с холодной горницей. Огород к реке в низину ухожен,

капустные кочаны огромные, воду для полива носили в вёдрах с реки, там же стояла на берегу и махонькая банька.

Дед мой по маме, Василий Иванович Поляков, был известным портным в Хаёрино, шил он и для селян из Новосёлово и Мокруши. В Новосёлово стояла большая церковь до революции, и было большое село. Прабабушка Ирина, мать деда, сто одиннадцать лет к тому времени прожила. Правнуков она не терпела, слабо видела одним глазом, мы шумели, и она грозила нам батошкой, заласканным до орехового дерева. Дед родился в Смоленской губернии, в деревне Сурджики. Жил в доме помещика, учился подмастерьем у портного помещика, прятался от кнута управляющего помещицей усадьбы в собачьей будке. Малолетним моего деда привезли родители в Сибирь в годы Столыпинских реформ.

И сегодня, ровно и не минуло сто лет, новоявленные «владельцы заводов и пароходов», «сельхозбароны» (помещиками им звать за оскорбление) всё так же творят в своих пределах зло безнаказанно и жестоко. Всё возвращается на круги своя. И «старушки поют частушки», сказано на концерте кубанских казаков ведущим весёлым дедком. В Хаёрино я гостил редко. В Зимнике был любимый сродный брат Пётр, годами старше меня на двенадцать лет. Полвека минуло. Кто и что осталось от мечты построить счастливую жизнь? Полжизни — украдены противоестественной для народа властью. Разгромлен предателями СССР. Оглядываясь, понимаешь: что имеем — не храним, потерявши — плачем. Горько улыбаюсь речам Гордея Гордеича из фильма «Кубанские казаки»: простые и понятные слова и желания. «Я люблю вас, Даша», — признаётся орденоносный конюх из соседнего колхоза. В 1960 году мой сродный брат Пётр работал в Егоровке конюхом. Парень видный, степенный в речах, силы был невероятной: валил жеребца наземь, поймав за левое копыто, сам видел, так осерчал брат на буланого жеребца в яблоках. А уж девки его любили!

В тайге рано ночь опускается. В конюховке керосиновые две лампы на стене, на штырях в брёвнах висят хомуты, уздечки; запахи кислой кожи от сыромятины, запахи конского пота и пыльного пола, убитого ногами людскими до кирпичной прочности, шибко волновали моё детское воображение и детскую душу. И сейчас люблю «Кубанскими казаками», испытываю давно забытое волнение детской души. Испытываю до слёз от тоски по утраченному времени.